

1. 1952

А. МЕРЗАЛКИНИ

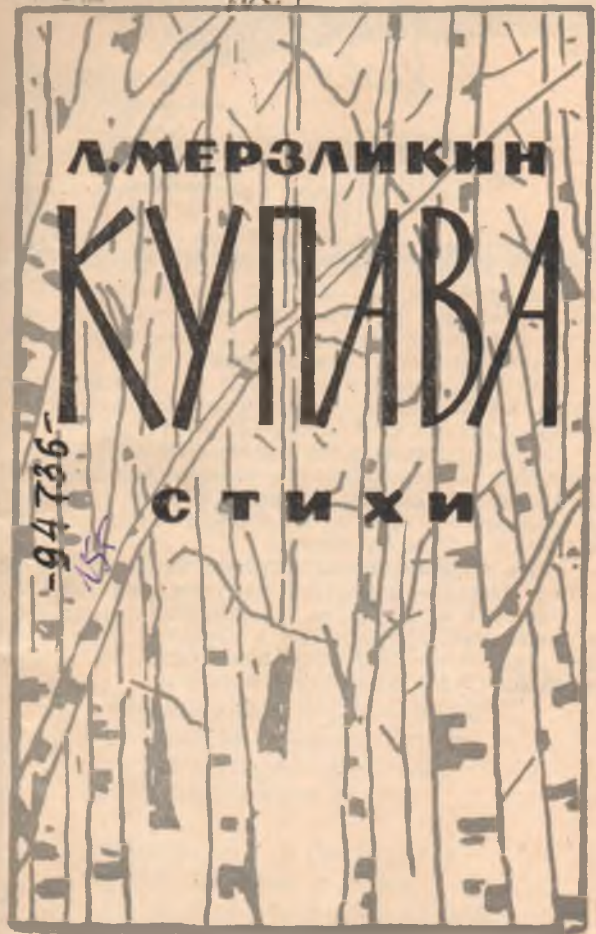
КУПАВА

84 (2400-70)6K
M 521
12+

ОКр.

Л. МЕРЗЛИКИН
КУПАВА
СТИХИ

-94736-

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1963

Муниципальное библиотечное учреждение культуры г. Новоалтайска
«Центральная городская библиотека
имени Л.С. Мерзликина»

О СЕБЕ

Когда-то мой прадед срубил себе пятистенок на берегу безымянной алтайской речушки. Первый венец клался прямо на пни. Крепкий дом получился. Он и теперь еще цел. И село разрослось, огромное стало в три автобусные остановки. А Белоярским оно зовется потому, что вокруг сплошь белые яры.

Там я и родился в 1935 году на Вишней горке. Улицы такая. Правда, потом название изменили, но в народе нет-нет да и назовут ее по-старому.

Закончил семилетку, культпросветтехникум, работал завклубом, сплавщиком леса, газетчиком. Стихи стал писать со школьной скамьи, но до сих пор почти нигде не печатал. Это моя первая книжка. Стихи о любви, о природе и просто о человеке.

✓ Учусь в Литературном институте имени А. М. Горького и искренне благодарен его преподавателям

Где бы я ни был, куда бы ни уводили меня дороги, в глазах моих всегда качается алтайское небо, я слышу, как допочет бор, вижу людей, живу их целевым и гордым трудом, их тяготами и заботами.

✓ КОНФЕТЫ

Они целовались, а я набрел.
Глазами хлопаю и ни с места.
Это мой брат и его невеста.
Они целовались, а дождик шел.

Я их постоянно потом стерег.
Все рвы излазил и все кюветы,
А брат невесте дарил конфеты,
Такие, с полосками поперек.

Я тайну запрятал на сто замков.
Ее не знали ни мать, ни батька.
Ее раскрыла соплюха Катька,
Соседка наша, моих годов.

Я шибко злился. Я был жесток.
Я жалил крапивой ее повсюду.
Откуда я знал, что дарить ей буду
Конфеты с полосками поперек?

КРУТОЯРЫ

Ты один у меня, мой земной уголок,
С крутоярами синими, с тихими плесами.
В эту осень к тебе я добраться не смогу
Ни пешком с батошкой, никакими колесами.

У тебя там давно ежевичник отцвел,
Одувалчик-растрепыш осыпался на воду,
Не по мне ли березы лопочут у сел?
Не по мне ли кудлатые плачут взаправду?

Лишь закрою глаза — и пошло и пошло...
Обступают и треплют намокшими ветками,
И роса по одежде моей тяжело
Ударяется каплями, крупными, редкими.

Лишь закрою глаза — и навстречу большак.
Вижу. — степь большаком-кушаком
перехвачена.

Без меня нынче шастает ветер-степняк,
Без меня на токах все зерно пролопачено.

Лишь закрою глаза — и снуют воробьи
В конопляниках рыжих, у скирд
скособоченных,

И порхают, кружа, будто годы мои,
Будто годы, забытые там, на обочинах.

Их не взять, не поднять, не засунуть
в мешок,
Потому и дорожке становится прежнее.
Ты один у меня, мой земной уголок,
Для тебя уберег я все самое нежное.

Ты один у меня, мой земной уголок,
Где бы я ни плутал, а по правилу старому
Ты один у меня на распутье дорог,
Все четыре дороги к тебе, крутоярому.

Я, наверно, не скоро домой ворочусь.
Я приеду тогда, когда в крике и зуде
Одуревший от солнца, испачканный гусь
Искушается в первой весенней запруде.

Я сойду с полустанка, зажмурюсь на миг.
Захолонуло сердце. Стою. Ну чего же я?
Засмеюсь и пойду по грязи напрямик,
Пусть вослед удивленно глазают прохожие.

Я свои сапоги обоью о порог,
Здравствуй, давность моя, здравствуй,
юность, безусая,
Ты один у меня, мой земной уголок.
Я вернусь обратно. Ты слышишь?

Вернулся я.

Ты один у меня, мой земной уголок,
Где бы я ни плутал, а по правилу старому
Ты один у меня на распутье дорог,
Все четыре дороги к тебе, крутоярому.

Днем погожим бы выпести легкие саночки,
Да с горы с улюлюканьем, елки зеленые!
Хороши на Алтае девчата — смугляночки,
Предвечерним морозцем слегка обожженные.

Обоймешь хохотушку, и мягкая варежка
Упадет, промелькнет под полозьями синими.
Ну чего ты стороннишься? Как тебя?

Дарышка?

Или, может, иначе? Не знаю по имени.

Видишь, лапчатый гусь наследил возле
пруруби?

Ожидают весну и луга обловленные.
А сегодня зима. Покататься нам в пору бы,
Эх, с горы с улюлюканьем, елки зеленые!

ГОРОХ

Мы с тобой вдвоем
В огород идем.
Твои ножки
По картошке,
Ты ко мне бочком.
Взгляды скошены,
Плзко брошены,
Платья ситчик
Весь из птичек,
Весь в горошины.
Наливался, сох,
Вызревал горох
Где-то вроде
В огороде
На грядках на трех,
Как на тех грядках,
На витках, стручках,
Мы прощались,
Расставались
Без луны, внотьмах.
Ночь слепая, глухая,
Не слышать петуха,
Только охи,
Только вздохи

Да домов верха.
Наливался, сох...
Только смят горох
Где-то вроде
В огороде
На грядках на трех.

ПУГОВКА

Оторвана пуговка.
Петелька пуста.
Подружка, как луковка,
Лицом чиста.
Злая да горькая,
Ох, до слез!
Подружке на зорьке я
Рубаху принес.
— Пришей-ка, хорошая,
На старом следу.
Без пуговки все же я
Куда ж пойду? —
Смеется да сердится,
Кольнула — ой! —
Достала до сердца
Своей иглой.
Кровинка на пальчике
Дрожит слегка.
Холостые мальчики.
Прощайте, пока!
К подружке наведался —
Пойми помни:
Отпрыгал, отбегался
Еще один.

ПОСЕВНАЯ

В поле почное гляньте-ка —
Это ли не романтика?
Гуля да фары блудящие,
Звезды с неба летящие...
Трактор на взгорье тужится,
Пыль за спиною кружится,
Кружится трактор во поле,
Лишь бы сев не прохлопали,
Лишь бы справиться до света,
Пусть нагло тались досыта.
Много ли пыли, мало ли,
Звезды по речке плавали,
Звезды тонули, таяли,
Мы собрались за сваями,
В майской, холодной роздими
Вымыли руки звездами,
Светает или смеркается?
Идем, а воздух качается,
Пахнет кострами дымными,
Пахнет первыми ливнями.

ЛЫЖНЯ

Легко скользить тореною лыжней:
Она сама по взрыхленному снегу
К твоим ногам бросается с разбегу
И тотчас остается за спиной.

Летишь, а сосны пляшут в стороне,
Летишь, но жаль, что кто-то спозаранку
Вперед тебя надел свою ушанку
И первым здесь прошел по целине.

У КОСТРА

Под сосною ружье и лыжи
И с горбатой спиной топор.
Ты садись к огню поближе,
Улыбаясь, глядишь в костер.

Ты ломаешь сухой коряжник,
Подвигаешь его к костру,
А костер, как веселый бражник,
Ходит ходором на ветру.

Тянешь руки в колючем зуде,
От тепла озянув едва...
Между нами бывают люди —
Сам живет, а душа мертва.

Он живет за стеною, рядом,
Много весен и много зим,
Ни одним не согреет взглядом,
Словом ласковым ни одним.

ВЕСНА

Отнесли в кладовую валенки,
Шубу дедову отнесли,
Куры гнездятся на завалинке,
Искулав гребешки в пыли.

У калитки крылами хлопает
Рыжебокий любитель драк.
Оглядевшись, к хохлаткам топает:
Без хохлаток пельзя никак.

Вдруг он солнце заметил в лужице.
Отвернулся. Взглянул опять.
Не подсолнух ли это кружится?
Вот бы семечек поклевать!

А коснулся — и вскинул голову,
Солнце каплею протекло.
Рыжебокий моргнул и здорово
Загорланил на все село.

Бывало, в апреле, на день водополя,
Последний ручей проводив за избу,
Вбивали в межу тальниковые колья,
Бежали в распадки смотреть на вербу.

На влажных елянях, поросших травой,
Где жмурился грач на рогатом кусту,
Под зvon балалаек сходились гурьбою,
Дарили платочки, играли в лапту.

А вечер зарницами по небу красил,
И песни-веснячки сторали дотла.
И мать с хворостинной стояла у прясел,
На ужин сынов залучить не могла.

Теперь по-иному встречаются весны.
Но в сердце своем не нашел я обид.
Все так же гудят над елянями сосны,
Верба босоногая в воду глядит.

И снова никак не сидится на месте,
И снова бегу я в горластый простор,
И снова под вечер в зарницах и песнях
Я вербную почкой расстрелян в упор.

Паду я на землю, на влажные комья
И плакать готов на весеннем лугу.
Земля, ты пойми, не тужу ни о ком я,
А просто иначе сейчас не могу...

КОЛОБОК

По утрам туман кухтолапый,
Но морозы совсем легки.
Снег такой, что бери да стряпай
Крутобокие колобки.

Я пушу колобок по насту.
«Отправляйся, — скажу, — в леса,
Не обидит медведь мордастый,
Не обманет тебя лиса».

Где курлычет вода в ложбинках,
Где роняет кору сосна.
Эх, в шагреновых да ботинках
По еляням идет весна!

Полушалок капелью смочен,
И махры плывут по плечу...
Передай, колобок, что очень
Повстречаться с такой хочу.

Урема, урема, урема.
Там воздух смолою пропах.
Когда же придется мне дома
Пожить хоть денек не в гостях?

Поставлю я в угол двустволку
И шапку повешу на крюк.
И мать опускает защелку.
Мол, хватит шаландать, каюк.

Она подает мне пельмени,
А я засмотрелся в окно.
Пожить на моем иждивеньи
Старуха сбиралась давно.

Да разве я в том виноватый,
Что старший братан чумовой?
Домой не приносит зарплату,
Раз пять расходился с женой.

Напьется, падет у порога,
И мать копошится над ним.
— Оставь ты его и немного
Давай у стола посидим.

Я нынче опять уезжаю,
Опять я в дорогу спешу.
— Когда же вернешься?
— Не знаю.
— Ты мне напиши.
— Напишу.

Гляжу на мохнатку-ушанку,
И в горле колючий комок.
Накрыла мне мать самобранку.
А может, в последний разок.

СОСЕД

Он под вечер приходит
Домой под хмельком,
Восьмиклиновка-кепка
Назад козырьком.
Тупоносые тапки,
Пиджак налегке.
И тышина, как сабля,
Зажата в руке.
Не буянить с женой,
Не по рамам крестить —
Он идет по ограде
Собаку травить.
— П-на! — И в морду тычки. —
П-на! — И сбоку тычки.
У собаки в бровях
Кровяные зрачки.
Уши косо назад.
Белозубая пасть.
А хозяин присел.
И хозяину власть.
Чтобы злее была,
Растуды т-твою в дых!
Чтоб во двор ни па шаг

Не выпускала чужих,
Чтобы грызла забор
На каленых гвоздях!

(У соседа ни разу
Я не был в гостях.)

ГОША, ЦЫПЛЯТА, БАРАН И ЖЕНА

Шутка

У Гоши калоши, рубаха — сатин.
(Зеленый сатин по рублю за аршин.)

У Гоши цыплята, баран и жена.
Жена на бригаде с утра до поздна.

А Гоша в калошах сидит у хором.
Цыплята в ограде, баран за двором.

Бывало, у Гоши займется душа,
Когда посыпал он зерно из ковша.

Заслышат цыплята, поднимут байгу,
Бегут и друг дружку клюют на бегу

Баран, хоть баран, но иная статья,
Баран это все же нужней для житья.

И мясо для шей, и, опять же в уме,
Носки да цимы, понимаешь, к зиме.

Однако, крутись не крутись, а жена
На то и жена — до зарезу пужна.

И ласка, конечно, и все, что захошь.
У Гоши калоши, жена без калош.

Босая, в загаре приедет с полей,
Паварит для Гоши кулаги и шей.

Хозяин подсядет: «Ну, как там у вас?
А щички-то с пылу, — смекает на глаз. —

Кабы не обжечься, а ить тогда,
А то ить тогда и еда не еда».

Над чашкою пар, а на стенке плакат —
Свинья годовуха и пять поросят.

Не жизнь, а малина. И вот тебе на!
Однажды с полей не вернулась жена.

«Куда запропала?» — кумекал мужик.
Стоит у окна. Головою поинк.

И вспало на ум, что жена молода,
Того и гляди — не стряслась бы беда.

В тенорешней бабе надежа плоха.
Бригада — не дом. Далеко ль до греха?

Моргнуть не успеешь, объявится хват.
Нет, баба есть баба. Тут нужен догляд.

Орет петухами соседский сеник.
«Пойду-ка проверю», — решает мужик.

Калоши со скрипом, походка резва,
Забыл, что лысеть начала голова.

У самой бригады, у первых стогов
Столкнулся с кумою:

— Здорово!

— Здоров!

— Барана ищю. Убежал, супостат.

Ить вот непоседа!

— Бывает!

— Быват.

И Гоша калошей копнул на стерне.

— А ты из бригады?

— Откуда же мне?

— Жена моя как там?

— Не бойся. Цела.

Машина за нами вчера не пришла.

Кума потянулась, мигнула хитро,

Кума чуть заметно качнула бедро.

— Не выпалась я, — говорит, а сама

Все ближе да ближе...

— Кума! Эй, кума!

У Гоши калоши к земле приросли,

Не может никак отодрать от земли.

— Так, значит, барана? — Чертинка
в глазу. —

А мне показалось: ты ищешь козу.

Прошла, прошуршала цветным подолом,

И Гоша вослед погрозил кулаком.

Скорее в бригаду, скорее туда!

Ну, если там что, берегитесь тогда!

Уж я отыграюсь, в отместку хотя б!
И кто только этих поведумал баб?

А вот и бригада. Изба пабочок.
Жена возле речки свежа, как стручок.

Стоит с полотенцем, легка и стройна.
Не верится Гоше. Неужто жега?

Ни разу такую не видел ее.
И вся она рядом! И все в ней мое!»

На людях жену целовать не с руки,
Но Гоша про все позабыл у реки...

А там, на деревне, где тыи да бурьян,
Кума чуть не в страхе: «Скажи-ка, баран,

Скажи, твой хозяин в своем ли уме?»
И пляшет веревка, и слышится: «Ме-е».

Если радость — значит, по рукам!
По рукам и шапку к облакам!

Если злость ударила в висок,
Ту же шапку с маху на песок.

У плиты могильной — погляди —
Шапку молча держат на груди.

СЫЧИ *

Сидят сычи,
Сипят сычи,
Сычи —
Таежные хрычи.
Здесь каждый — пуп,
Авторитет.
Глазами хлуп
На белый свет.
Шаманит вслух,
Крылом ведет,
Уронит пух,
Потом помет...
Я хоть бы хны!
Я просто гриб.
К пеньку сосны
Плечом прилип.
Моя сосна,
Моя тайга,
Лозинка-ветка —
Таволга.
И шишек стук
То там, то тут,
И неба синего

Лоскут.
Сидят сычи,
Сипят сычи,
Сычи —
Таежные хрычи

ОДИН ПОРТРЕТ

Руки-закорючки.
Цыц и не моги!
Вытертые ботики,
С хрупом сапоги.
Встанет у штурвала.
Кепочку на лоб.
Все бы ему мало,
Так бы и загреб.
С горки ли, на горку —
Эх, перегибно! —
Зерна, как махорку.
Сыплет на стерню.
Лишь бы што-крыто,
Лишь бы ни гугу,
Лишь бы на избыток
Выхватить денгу.
Совесть свою вынул,
Как денга кругла.
Вынул да подкинул,
Шлепнул на «орла».
Скосы да прогоны,
Ширь во все концы.
Жирные вороны.
Сытые скворцы.

УТРО

Утром не ложится.
Ступишь на пол — ой! —
Тихо половица
Скрипнет под ногой.
Розовый и резкий,
Обернешься — ой! —
Из-за занавески
Смотрят за тобой.
Выбежал на улку,
Глянул в небо — ой! —
В кадочке забулькал
Синею водой.
Двинулся обратно,
А навстречу — ой! —
В рубочке опрятной,
В кофте кружевной,
В лентах да заколках
Женщина идет.
Полотенце скомкал
И разинул рот.
— Здравствуй, — улыбнется.
(Ох, уж егоза!)
— Что ты, — засмеется, —
Вылупил глаза?

— Где уж мне? Куда уж?
Я ж не съем, поди.
— Ты возьми вот замуж,
А потом гляди.

АДЕ

Южный поезд. Дорога, дорога.
На перроне осенний туман.
Ах, девчонка, возьми, ради бога,
Положи ты меня в чемодан.

А девчонка смеется: «Куда ты? —
И в купе распахнула пальто. —
Чемодан, — говорит, — маловатый,
Не уместись в нем ни за что».

Я пойду соберу вечеринку,
Стукотят каблучки на кругу.
Закручу про любовь я пластинку,
Но любовь закрутить не смогу.

Кружит, кружит пластинка, как птица,
Вороненым сверкая крылом.
Расплываются потные лица,
И снежинки летят над столом.

Где-то ведра звенят по морозу,
Тянет пар от речных прорубей,
Покажите, друзья, мне березу,
Что растет у могилы моей.

Тру ладошкой по пьяному глазу,
Под локтями скатерки крахмал.
Я ни разу, ни разу, ни разу
Ту березу еще не видал.

А наутро в окошко спросонку
Воробей мне чирикнет опять,
Проводил я на поезд девчонку.
Только я не хочу умирать.

Костюм надену с искрами
И галстук с переливами,
Пройду шагами быстрыми
И притаюсь под сливами.
В окно пролез бесшумно я,
Иду, а пол качается.
Ох, до чего безумная
Затея получается!
Глаза, глаза, как птицами,
Прикрытые ресницами.
В них жизнь моя залучена.
В них жизнь моя замучена.
Часов настенных сутолочь.
Минута за минутою.
Луна в кудрях запуталась,
Возьму да и распутаю.
Большие, с бездной тайною,
Глаза раскрылись грозные.
Шепчу: «Мне жизнь отдай мою,
Прости, что время позднее».

В ПОВОДОЬЕ

Смыло полою водою
Переход, как назло,
И капусту под горою
До верхов залило.
~~Ты снимаешь свои тапки,
Завязала шнурки.
На лице дождинки крапки,
Как горошинки.~~
Ты ко мне подходишь ближе.
Я стою и смотрю.
Говоришь мне: «Ну, бери же!»
«Что ж, давай», — говорю.
Я несу тебя направо,
На тот берег несу.
Улыбаешься лукаво
На руках, на весу.
Я не знал тебя такую,
Я вслепую бреду,
Обнимаю и целую.
И у всех на виду...

В обповочках свежих
Девчонки у клуба.
А мы из приезжих,
А мы лесорубы.
Мы в двери заходим,
Плечами поводим,
На круг приглашаем
При всем при пароде.
Ребята из местных
Косятся, известно.
Какого, мол, сорта?
Какого, мол, черта?
А нам не до ссоры.
А нам станцевать бы.
Уедем мы скоро,
Справляйте тут свадьбы.
На тропках-дорожках
Оленьи копыта,
У нас на ладошках
Смола не отмыта.
Бригада, бригада,
Бригада — что надо!
В ней нету таких,
Чтобы с первого взгляда.

На травах на росных
Полночная птица.
А все же в трех соснах
Легко заблудиться.
А все же в девчонку
Нельзя не влюбиться!

ПОПУТЧИЦА

Вешим наводком и распутицей,
Взбудораженный на ветру,
В тряском кузове я с попутчицей,
Ох, наверное, не к добру!

Из чужой ли, из нашей местности?
Нету смелости разузнать.
Появилась из неизвестности,
Чтобы кануть туда опять.

Не окликну словами громкими
Или вкрадчивым шепотком.
Бусы-бусеники, шаль с каемками,
Плащ распахнутый с пояском.

Вот мне спрыгивать надо вскорости,
Знаю-ведаю, что потом
Плащ, растаяв на третьей скорости,
Ночью явится с первым сном.

МОРОШКА

Тропка-дорожка,
Туман от болот.
Не там ли морошка,
Морошка растет?
Возле проточин
Стоит без листа.
Осенью очень
Морошка желта.
Спелая очень,
Пьяная очень,
Сникла, качается
Возле проточин.
Рассказ мой не долог.
Такие дела.
Девчонка-геолог
Меня позвала.
Без времени-срока
Мутит житье,
Бродит морока
В ресницах ее.
— Ягоды хочешь? —
Смеется. — Не хочешь?
Что же, геолог,
Меня ты морочишь?

Я морокую,
Но что ни крути,
Морошку такую
Нельзя обойти.
Тропка-дорожка
У черного пня.
Морошка, морошка,
Гляди у меня!
Спелая очень,
Пьяная очень,
Сникла, качается
Возле проточин.

Мы по-мальчишьи судим о девчатах,
Еще в поступках наших баловство,
А в чьих-то грудях, грудях непечатых,
Для нас уже созрело колдовство.

Оно еще не грянуло бедою
И даже не затронуло слегка.
Плетут венки девчата над водою,
Бросают их с крутого бережка.

А мы бежим, торопимся куда-то
И на девчат не смотрим второпях.
И нам не догадаться, что девчата
Про нас уже сгадали на венках.

Но вот однажды, выкинув махорку,
На новых брюках стрелки наведем,
При галстуках сойдемся на вечерку
И новые пластинки принесем.

В просторных сенках, скринив половницей,
Ты вдруг девчонку высмотришь одну,
Припомнит все. Расплатишься сторичей
За прежнюю мальчишечью вину.

ПО ДОРОГЕ

Босиком по грязи,
Босиком по лужам.
— Эй, шофер, подвези,
Остывает ужин. —
Парень дверцу открыл,
Усики тонки.
— Мой «ЗИЛ» в тыщу сил.
Полезай, девчонки! —
Понасыпалось — фыр! —
В кузове пляшут.
— Запевай, бригадир! —
Заставляют Машу.
А у Маши у той
Перстенечек золотой.
Маша замужем недавно,
Вышла этою весной.
Нынче дождь, завтра снег,
А колеса крутятся,
Пусть от песни у всех
В голове помутится!
Пусть девчонки хмельны
От погоды летней!
Пусть они влюблены,
Так еще приметней...

Женихам примечать,
Эх, по вечеринкам!
Эх, на плечи спадать
Девичьим косынкам!

Все мне грезится белый околок
И забытая в поле трона.
И летит на тропу из метелок
Застоялого проса крупа.

Или чудится песня с надрывом,
Как рыбачку рыбак обманул,
Как уплыл он весенним заливом
И в весенней воде утонул.

То проступят угрюмые скалы,
И дымится етихия, обвал.
И стоят у обрыва маралы.
Я маралов живых не видал.

Ты за сны мои, знаю, боишься,
Ты ревнуешь и плачешь порой.
Ты прости, что давно мне не снишься,
А когда-то я бредил тобой...

АДЕ

Я живу и веря и не веря,
Я живу, таясь и не тая.
Ты моя находка и потеря,
Явь моя и выдумка моя.

Я тебя собираю по крупице.
Только так. Иначе не могу.
Я ловлю вечерние зарницы,
Я целую дождь на берегу.

Промелькнула тень на паранете.
Каблучки отпрыгали звеня.
Самая красивая на свете
Это ты. И только у меня.

Ты в ночи стоишь у изголовья.
С глазу на глаз тихо говорим.
Ни за что тебя я, ни за что я
Не отдам завистникам своим!

Пусть завистник в злобе леденеет.
— От ворот, — скажу я, — поворот. —
Верю я: пора моя поспеет,
Выведу тебя я на народ.

От крыльца на улицу сквозную
Ты шагнешь, молчание дробя.
И поймут: не зря искал такую,
Не напрасно выдумал тебя.

ГОЛУБОЧЕК

Сдвинутые шторы.
Синее окно.
С горя на вечерке
Допито вино.
Рюмочки — на части
Брызги по избе.
Откачалось счастье
В пляске на гульбе.
Выйдя в кладовую,
Ты мне прошептал:
Дескать, молодую
Где-то отыскал.
Ох, уж молодая!
Складки в подолу.
Бедрами качая,
Ходит по селу.
Не вздыхай, не надо,
Лучше уходи.
Выну я наряды,
Выну бигуди.
Завтра напоследок
Кудри наведу,
У своих соседок
Встану на виду.

Ах, куда, куда бы?
Ах, зачем, зачем?
Глупые мы, бабы,
Если двадцать семь.

Облетела вчера крушина,
Над полями заката дрожь.
Подари, дорогая, сына
С кудерьками, как эта рожь.

Ты приди ко мне из тумана
(Твой платок росой пропах).
Положи на стол мальчугана
И скажи, что нашла в кустах.

Будет ветер стучать по ставням,
Будут в печке трещать дрова.
Мы на стол огурцы поставим.
«Хороши для закуски? А?»

За бутылкою вспомним детство
И проказы первой любви.
Ты оставь-ка сыну в наследство
Голубые глаза свои.

Я свою подарю примету —
Молодецкий разлет усам.
Остальные пускай по свету
На ходу добирает сам.

ВДОВУШКИ

Назвала меня по имени,
Упорхнула в темь глазастую.
Я бегу прыжками сильными,
Нагоняю голенастую.

Поддается от усталости
И смеется от смущения.
Я б такую вот без жалости
Целовал до одурения.

Никакой беды не станется,
Не клоии своей головушки.
Пусть игра игрой останется
Под названьем грустным — «вдовушки».

Нам грустить пока не велено.
Но глаза блестят от сырости.
Счастье молодо и зелено,
А колючки уже выросли.

ПОРТРЕТ

Т. Г.

Про себя я не знаю: поэт, не поэт?
Я чудак. Для меня это пыиче открытие.
Ох, какой я чудак! Взял газетный портрет
И повесил над койкой в своем общежитии.

Я не верил в любовь. А теперь, как лоза,
Раскачалось неверие. Что же я делаю?
И портрет как портрет, и глаза как глаза,
Только пряди повиты косынкою белою.

Может быть, я не ту затеваю игру.
Но скажите дорогу, а там хоть от Нарвской
Я вот эти стихи запою на ветру
И махну напрямик по тайге до Хабаровска.

Бейте, ветки, в лицо, осыпайся, куржак,
Исчезайте, тропинки, упрека не брошу я,
Мол, зачем же вы, кедры, упрятали так
Далеко от меня и такую хорошую!

РУСАЛКА

Плавали звезды. Хлюпал язь.
Стоял у берега Игорь-князь.
Слуга одноглазый. В воде нога.
— Эй, перевозчик! — кликнул слуга. —
Лодку князю! — Густой плевком.
Лодка носом ткнулась в песок.
Смотрит князь — и не верит князь:
Русалка сидит, за корму держась.
Глаза большие, черней грача.
Волосы ливня текут с плеча.
— Кто ты? Актись! Откуда взялась?
— Я перевозчица, светлый князь.
Я из суглинка, я из волны.
Губы, князь, у меня солонь... —
Вскинулись весла. Шуришит лоза.
Князь и русалка — глаза в глаза.
Князь молчит. Русалка молчит.
Слуга молчит. А вода журчит.
Сплюнул слуга. Нет, не так он прост!
Русалка русалкой, а где же хвост?
Где чешуя, что липче смолы?
Вон они, ножки! Белым-белы!
Чует и княже: «Ой, неспроста,
Ой, неспроста солонь уста.

А может, и вовсе не солонь?»
Лодка качнулась, черпнув волны
Князь целует. Вода журчит.
Слуга отвернулся. Слуга молчит.
Князь поправил медный шолом.
Рыбачка запела, гребя веслом.
В лодку рыбачкой вошла на бегу —
Вышла княгиней на том берегу.

ТОРГ

Послы в парче,
А хан сердит.
На левом плече
Орел сидит.
Хан-бурят
Широкой скулы.
«Мы от царя, —
Говорят послы. —
Ты нам куницу,
Ты нам лису,
А мы девицу
Тебе красу».
Орел клюет
В кривое крыло.
У хана рот
Улыбкой светло.
Стрелой колчана
Брови сошлись.
Желта у хана
Сухая кисть.
Красу Алену
Ведут в шатер.
Платок зеленый,
К махру махор.

Хан открывает
Ее лицо.
Хан кивает:
«Ага, хорошо!
Бурдет * мой птица,
А-яй, а-яй!
Бурдет лисица
Хватай, хватай».
Ели барана,
Пили кумыс.
Усы у хана
Свисали вниз.
«Хочу невеста,
Хочу жена.
Хо-ороший места
Моя страна».
Орел крылами
Слегка трясет.
А хан бровями
Слугу зовет.
«В седло, девица,
Садись давай.
Бурдет лисица
Хватай, хватай!
Мы будем вместе
Лису ловить.
Хочу невесте
Лису дарить».
Коней сбиралн.
«Айда, айда!»
Эх, припускали
Да повода.
И степь навывмах.

* Бурдет — орел.

И свист в упор.
А где-то вымок
Сосновый бор.
Ой, дождик, дождик,
Не мороси
По бездорожью
Да по Руси.
Красу Алену
Не уберечь.
Платок зеленый
Сползает с плеч.
И грудь открыта.
Рука к виску.
И под копыта
На всем скаку.
И кони встали,
А хан суров.
Полны печали
Глаза послов.
Затылки чешут.
Куда б ни шло,
Но дернул леший
Сажать в седло!
Поправив сбоку
Тугой колчан,
На землю скоком
Слезает хан.
«Моя лисица
На пять воза.
А-яй, девица,
Зачем слеза?»
Лежит Алена,
Земля — постель.
Летит со звоном
В глаза метель.

Метелью память
Позамело.
Орел кругами
Ведет крыло.

ЖЕРТВА

Расступалась дружина князева,
Пропуская жертву вперед.
У реки, под густыми вязами,
Бородатый язычник ждет.

Он ей руки заломит за спину,
Скрутит руки ей навскосяк,
Чтоб потом не плели напраслину,
Мол, душою палач обмяк.

Раздевали девицу-пленницу.
— На костер ее! На костер! —
На Большую глядя Медведицу,
Кто-то руки в небо протер.

За победу молились истово,
Вспоминали грехи, молясь.
И глядел на соседа лысого
Молодой захмелевший князь.

А у князя доспехи новые,
А у князя меч по бедру.
Полыхнули ветки смолевые,
Пырхнув искрами на ветру.

Бились волны шматкастою пеною,
Пригибался к воде камыш.
Что ж ты, князь, не глядишь на пленную?
Что ж на девицу не глядишь?

Красоту с плечами пологими
В дань богам своим отдаешь.
На реке Днепре, за порогами,
Стережет тебя острый нож.

Будет схватка в ту ночь короткою.
Ты упал. Твой меч у ноги.
С перерезанной напроць глоткою
Забирают тебя враги.

Череп княжеский чисто вытерли,
Стал он чашею для широв.
Пьют из чаши той победители
За здоровье своих богов.

ПАРТИЗАН

Выстрелами выстеган туман.
Убежал парнишка-партизан.
И с крутого берега реки
Наугад палили колчаки.
Кривоносый унтер-офицер
В кобуру засунул револьвер.
— Ну-к, спустись, Егоров, до воды. —
(Не уйти парнишке от беды.)
А солдат, на то он и солдат,
Выполняет, что ему велят.
Козырнул — и кубарем к реке.
Слышит стон совсем невдалеке.
«Хлюнается. Топет. Вот сопляк.
Ить потонет, мать его растак».
У солдата где-то за Донцом
Сын растет таким же сорванцом.
Третий год не пахана земля,
Облетает пепел с ковыля...
На яру шагает офицер.
Снова вынимает револьвер.
И кричит, коротенький, как шини:
— Эй, Егоров, что ты там мудришь?
Ну-к, спустись, Ефимов, да живой.
Что он? Отелился, дуралей? —

Козырнул и кубарем солдат,
Лишь вдогонку камешки гремят.
Спрыгнул — и ни звука от него.
А туман — не видно ничего.

Ждать не любит унтер-офицер.
Возле носа скачет револьвер.
Офицер, не целясь, наугад
Пять патронов выпалил подряд.
На песке кудлатилась сосна.
Выносили двое пацана.
Направлялись двое в бурелом.
Серые папахи наизлом.

КУПАВА

Поэма

1

Осыпаются зори,
Лепестки, лепестки.
А у нас на заборе
Потерялись носки.
Ищет мать спозаранку:
— Тыфу ты, снова вяжи! —
Кто-то видел цыганку
Возле нашей межи.
Рост землю па бане
Чугунных Трезор.
Эй, хозяйка! — Цыгане
К нам заходят во двор.
Дорогие шнуровки,
Широченный подол.
И на длинной веревке
Лупоглазый козел.
— Положить бы нам шмутки,
Мы спокойный народ. —
Попросились на сутки,

Поселились на год.
Помню, маме цыганка
Ворожила тогда:
Дескать, радость — беглянка,
Дескать, деньги — вода.
Голос вкрадчиво екал:
— Ой, товарка, гляди! —
И мигала мне: — Сокол,
Что-то ждет впереди.
Хочешь, карты вот эти
Я тебе разложу?
Есть Купава на свете.
Кто она, не скажу.
Где-то плещется речка,
В ней давно-предавно
У Купавы колечко
Потонуло на дно.
Трехпудовая глыба
На колечке лежит.
И усатая рыба
День и ночь сторожит...

II

Я к соседу Бубнову
Забегал иногда:
— А мне слыли обнову! —
Он прищурится: — М-да... —
Скрючит, выпрямит палец.
— Подойди, покажись.
Ну, теперь ты красавец.
Не малина, а жись. —
Сядём мы на крылечко,
Он закурит «Прибой»,

Голубое колечко
Поплывет над губой.
Я гляжу на колечко,
А в глухой стороне
Где-то плещется речка,
Там колечко на дне.
Над водою осоты,
Над водою стрижи.
— Дядь Никита?
— Чего ты?
— Дядь Никита, скажи,
Кто такая Купава?
Ты ведь знаешь ее? —
Глянет сбоку лукаво:
— Ты опять за свое.
Это штука такая,
Осторожнее с ней. —
И замолкнет, снисжая
Навесь темных бровей.
Где репейник витками
Повитель обвила,
С голубыми глазами
Чугуника прошла.
Подплыла, будто пава,
Оперлась на забор:
— Вы опять про Купаву
Завели разговор?
Так, бывало, корову
Моя бабка звала. —
А я знаю — к Бубнову
Чугуника пришла.
Полушалок к затылку,
Волос русый, счерна.
Мне когда-то чернилку
Подарила она.

Я чернилку на части
Разобью о пенек.
Лишь в окошках зазастит,
Приготовлю мешок.
Положу с полотенцем
Я в мешок сухари,
Осторожно по сенцам
Проберусь по двери.
Холодком недомашним
Обдаст на дугу.
Через яр, через пашни
К полустанку сбегу.
От вагона на время
Отойдет проводник,
Я мешок свой в беремея
И по тамбуру — шмыг!
Сосны слева и справа,
Стукотит колея.
Где ж ты, где ж ты, Купава,
Потаенка моя?

III

Перет жатвою в будни,
Если дождь не идет,
У сельмага с полудня
Собирался народ.
Восседали хозяйки
Под всячим замком.
Руки, словно две сайки,
По-над грудью крестом.
Начиналось с погудки,
Просто так, со смешка.
— Это чо? От Анютки

Кто-то свел мужика?
— Мужики бы рожали —
Вот хватили б забот. —
Но про ситец и шали
Кто-то вдруг намекает.
И пойдет:
— Да куда там.
— Жди-пожди.
— Как не так.
— Ладь заплату к заплатам,
Прикрывай кое-как.
Вои доха, только люже
Дорогая она,
Я б взяла, да у мужа
Дыровата мошна... —
Скворчик прыгал и тенькал
Но сухим горбылям.
Я у входа частенько
Видел девушку там.
Пахли вешним опольем
Дорогие духи.
Знал путем я окольным,
Что у ней женихи.
Был в годах я моложе
И не хват по селу,
Приторочила все же
К своему подолу.
И ходил я за нею
И стерег у оград.
Поглядит — леденюк
От макушки до пят.
Беспортошный молодчик,
Я старался всерьез.
Но приехал к ней летчик,
Погостил и увез.

IV

Не одна над Ключами
 Откачалась гроза.
 Стали сниться почамн
 Мне Купавьи глаза.
 За деревней на сходке
 Помахала венком,
 Довела до сухотки
 Кружевным рукавом.
 На вечерке в стакане
 Загустила вино,
 А однажды вдруг в бане
 Засветила окно.
 Мягко хлопает венник,
 Пар валит на межу.
 Я сгибаю колени.
 Я припал. Я гляжу.
 Косы, девичьи косы
 Льются, грудь полоня,
 И глаза, будто осы,
 С лету жалят меня...

Возле клуба качели,
 Возле клуба кусты.
 Две девчонки летели
 На траву с высоты.
 От восторга визжали,
 Уцепясь в бечеву,
 И гудели их шали —
 Только тень на траву!
 Только вздернуты губки
 В лихорадном жару,
 Только задраны юбки
 На холодном ветру.

Дождь. И листья отвесней
 Сыплет клен под забор.
 Одинокую песней
 Закликаешь ты в бор.
 Кочка, пень да канава.
 Я бегу. Я бреду.
 Что ж ты смокла, Купава?
 Я никак не найду!..

V

Отпирайте засовы!
 Выходите плясать!
 Это братья Бубновы
 Загуляли опять.
 Снова сделали бражку
 Из колхозной свеклы.
 Пиджаки параспашку
 От полы до полы.
 — Сбарышуем на сене,
 Ведь не зря конюха! —
 Грудь у лошади в пене,
 А бока, как меха.
 — К Чугунихе, к Андревне,
 Слышь, Никит, подвести? —
 Мужиков на деревне —
 Хоть шаром покати.
 Женишилась по танцам,
 Нос драла мелюзга.
 — Чо! Цыганочку сбцаам?
 Сбцаам, чо ли?
 — Ага. —
 И на круг деревянный
 Шел мальчишка винтом,

Не тверезый, не пьяный,
Только так, под хмельком.
— «Моя милка — бутылка,
Разонью, разобью!» —
Сдернет кепку с затылка
И швырнет на скамью.

Лет в семнадцать мальчишки
Колесили вирисест,
У калиток под мышки
Брали чьих-то невест.
Самый бойкий, целуя
Ту, что старше его,
Вдруг шептал: — А пляшу я
Ничего?
— Ничего...

VI

Не лачужка-ляпуха —
Крытый шифером дом.
Только жаль, молодуха
Не пригвездилась в нем.
Пол под охрой лоснится,
Но от женских пят
Никогда половицы
По утрам не скрипят.
На полочке посуда,
Тишина по углам.
У Никиты причуда —
Пристрастился к утям.
Смастерил им клетушку
И готов допоздна
Самолучно в кормушку

Подсыпать им зерна.
Брат заглянет и ахнет,
Щелкнет пальцами: — Кыш!
А Андревна-то чахнет.
Попроведал бы. Слышь? —
Братья в кухню заходят,
Сбросят кепки в углу,
И плечами поводят,
И садятся к столу.
Мать грибы им подносит,
Братья спорят не в лад
И «Прибой» папирасы
То и дело смолят.
Старший дернет губою:
— Кто мы? Что мы? Ха-ха!
Конюха мы с тобою?
Конюха!
— Конюха...
— Ну так знай, что Бубновы
Не для этого. Да!
Вон с порога подковы
Оторву — и айда. —
Младший кашляет глухо:
— Будь он проклят, табак!
От земли мы, братуха,
Без нее нам никак...

VII

Тюк! — и с клювом раскрытым
Головенки крикух,
Пролетев над корытом,
В снег ложатся, как в пух.
Тюк! — и красные крапки

Облепили обух.
Тюк! — и дрыгают лапки
У последних крикух,
И сказали мне дома,
Что сосед наш всерьез
Оставляет хоромы.
Покидает колхоз.
Запотелые стекла,
Крышки, миски да стол.
С вилки — красная свекла,
С ложки — кислый рассол.
В мокрых складках рубаха,
И ремень по плечу.
— На утятники, сваха!
Сам бы ел, не хочу. —
Пальцы в свекле, в крови ли
По ладам семят.
— Были ути, да слышли,
Не дождались утят. —
Пальцы плянут с разбега:
— Эх, надай на баса!
Пропадай ты, телега,
В полтора колеса.
Мне б тесать по граниту,
Мне бы класть кирпичи.
Нет уж, сваха, Никиту
Ты оставь. Помолчи.

VIII

Дверь гвоздями забита,
В окнах доски крестом.
Мезжал наш Никита
На такси грузовом.

Подозвал меня: — Слышь-ка!
Подойди. —
Подхожу.
— Правда, ты хоть мальчишка,
Ну да ладно, скажу.
Справку взял в сельсовете,
Жму в чужие края.
Есть Купава на свете,
И твоя и моя... —
Смолк на время Никита,
А потом: — Вот беда,
Направлять-то копыта
Я не знаю куда.
Ведь она без приметы,
Я не видел ее...
И не верь ты в наветы,
Дескать, нету. Вранье!
Прикипела, я чую,
Тут вот, где-то в груди.
Ты за речку за Чую
К Чугунихе сходи.
Ты скажи, не такой уж
Я подлец. Пусть поймет.
Без любви не построишь
Жись хорошую... Вот...

Над кривою избушкой
Раскудлатился бор.
Чугуниха с подружкой
Пили сладкий кагор.
Отодвинула шторки,
Посмотрела в окно.
На печальной вечерке
И вино не вино.
Где ты кружишься, счастье?

На какой ты гульбе?
Бьются рюмки на части,
Брызголет по избе.

Провожали мы лихо,
Так, что трясся вокзал.
Я потом Чугунихе
Все как есть рассказал.
Рассмеялась: — Чего там! —
Только с этого дня
Невзлюбила за что-то
Чугуниха меня.

IX

Будто волчья отрава,
Хоть лечи, не лечи,
Мою душу Купава
Отравила в ночи.
Торопливою горстью
Сквозь колючий озноб
Я с веселою злостью
Пил отраву взахлеб.
Только что же такое?
Как бывает в испуг,
Под рукой ретивое
Захолонуло вдруг.
Прощевайте, повети,
Лопотуха-репей...
Я ушел на рассвете
За Кунавой своей.
Все, что спето, не спето,
Что заклекло в груди,
Васильковое лето,

Не буди, не буди.
По забытому следу,
По степи заревой
Не зови, не приеду.
Не вернусь я домой.
Ой ты, ягода-семя,
Ой, клубника моя,
В беспокойное время
Зрела ты у ручья!
За слезнику скупую,
Что упала в пути,
За неверу слепую
Уголок мой, прости.
Вздых кустатой поляны,
Мягкий клевер в стогу,
Перед вами поныне
Я в огромном долгу.
Заклинавший не зная,
Я чужую беду,
Потому что чужая,
На бобах разведу.
И своя, как отрава,
Хоть лечи не лечи,
Мою душу Купава
Отравила в ночи...

X

Пишет мать, что осели
Все столбы в гордыбе,
Что на прошлой неделе
Побелила в избе.
Что погода теплеет
И что скоро опять

Огород подоспеет,
Надо грядки копать.
Под колхозный коровник
Тянут с линии ток.
У соседки Петровны
Потерялся телок.
А какой-то наемщи
Из приезжих врачей
Дуть на трубах на медных
Стал учить духачей.
Пишет мать, что хотя бы
На чужой стороне
Ожениться пора бы
Шелопутному мне.

Ты послушай-ка, мама,
Погоди, не шерсти.
Не с того ль я упрямый,
Что отцовской кости?
Я не мот, не шалава,
Только знаю одно:
Урошила Купава
Перстенечек на дно.
Обалделый, без помни,
Я иду наугад.
Обомшелые корни
Вверх копылкой торчат.
Все мне мало и мало,
Все иду и иду.
Не с того ли я шалый,
Что последний в роду?
Не беда, что подскребок.
Виснет чуб смоляной.
Мое счастье бок о бок.
Мое счастье со мной.

Сдерну кенку и оземь,
Пусть порой нелегко.
И колыхнется озимь
Далеко, далеко...

XI

Нет, не топал я в люди,
Осиянный крестом.
Работающие будни
Мне порукою в том.
Мои вузы — арбузы,
Что собирал я с бахчей,
Да истлевшие блузы
Возле жарких печей.
Да пила-свирестенка,
Липкий пот на спине,
Да в юбочке девчонка
Вместо ректора мне.
Моя жизнь не распятые.
Нет, не слезы, а бой.
Я не сыплю проклятья,
Не поладив с судьбой.
Я живу. Ну, а если
Смерть объявит мне «шах»,
Комсомольские песни
Забунтуют в ушах.
Забунтуют: а где, мол,
Твоя сила и пыл?
Ты ж полдела не сделал,
Ты ж свое не свершил.
В этом мире тревожном,
Грудью встав против гроз,
Обойти невозможно

Самый главный вопрос:
Для чего ты на свете?
Ты найти себя смог?
Или где на паркете
Ты засох, как плевок?

По колено в сугробах,
В окоме лесов
Русь растит крутолобых
И упрямых сынов.
От мамайских пожарищ
И полетов к Луне
Русобровый товарищ
Тянет руку ко мне...

XII

Бросить сборы, ей-богу,
И с одним вещмешком
Завтра утром в дорогу,
С вещмешком да пешком.
То ли дело, ребятки,
По июльской степи.
Знай, подмазывай пятки
Да гляделки луни!
Где-нибудь за поселком
Отвернуть с большака
И заросшим проселком
Задавать босяка.
Над дорогой сутулясь,
Кислый шанель сорву,
Пожую — и зажмурюсь
Так, что «видно Москву».
Вспомню трудное детство.

Свой родной уголок,
Где веснушки в наследство
От отца уберег...
Ах, скорее, скорее,
Ах, скорее туда,
Где росой тяжелеет
Губошлеп-лебеда,
Где мосточки, как дуги,
Где берез босота,
Где моя по округе
Голубынь-красота!
Через многие сутки
Доберусь до села.
На каком полустанке
Ты, Купава прошла?
На каком полустанке
Покупала билет?
Неужели беглянки
Не отыщется след?
Вот и наша оградка.
Вроде та и не та.
В избу дверь для порядка
Изнутри заперта.
Постучу осторожно,
Встретит мама в слезах,
Глянет снизу тревожно:
«Что ж ты этак зачах?»
Обниму я за плечи.
В горле жаркий комок.
— Мам, не плачь хоть при встрече.
— Я ж от счастья, сынок...

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Поэма

Моему дяде Гавриилу

Бабка туго платок
Повязала поношенный
И зашпилила кофту
Булавкой стальной.
Говорят, дескать, бабка
Катает горошины
И гадает на гуще
Полночной порой.

Только зря говорят.
Освещенная горенка,
Половик до окна
Да тюльпаны в горшках.
Бабка снимет портрет,
Где жених ее Коленька
Был когда-то заснят,
Молодой, при крестах.

И мерещится ей:
Отдаленные пажити,
Вышли девки к ручью,
А навстречу солдат.
— Хохотушки-воркутки,
Дорогу не скажете?
Я ни разу тут не был,
Сам бог виноват.

А когда коноплю
Шелушили за банями,
Он сосватал невесту
И свадьбу сыграл.
Сколько трав перекошено
Зорьками ранними,
Сколько песен пропето,
Никто не считал.

Но ударили выстрелы
В ночи морозные,
У купчишки Ильи
Кто-то лавку поджег,
Посмотрел на дороги солдат
На обозные.
— Ну, хозяйка, готовь мне
Походный мешок.

И подался в отряд
К батраку Новожилову,
Под полою обрез,
Жеребец в поводу,
Но недолго пришлось
Партизанить служивому:
Колчаки подрубили
В крещенье на льду.

Полоснул бородач.
Только струйка по темени.
— Повожил, выручай! —
Лед стал вязким, как мох,
И пола на ветру,
И клинок возле стремени,
И по речке рассыпан
Звончатый горох.

Кони падали с ног,
Продираясь березником.
Повожилов, сутулясь,
Покусывал ус.
Приказать бы своим
Молчаливым наездникам:
«Ну чего вы глядите?
Стреляйте! Я трус.

Сидоховал я в горячке,
Не выручил вовремя».
Но никто у берданки
Курок не взведет.
А в глазах обнаженные
Сабли, как польмя,
И служивый бочком
Оседает на лед.

Он лежит возле дымной
Обдолбленной проруби,
Полушубок распахнут,
Обмякнута бровь.
Тихо кружится снег,
Будто белые голуби,
И садятся те голуби
В стылую кровь.

Он лежит и не движется.
— Ваше шкабродие,
Разрешите стащить
Вои с того сапоги? —
И склонились погоны:
— Отбрыкался вроде бы.
И затихли копыта.
И смолкли шаги.

II

А деревня дышала
Наварами сытыми,
Ради праздника резали
Лишних телков.
Утолая в снегу,
Причитая, с молитвами
Бабы шли за деревню
Смотреть мужиков.

До чего же широкое,
Поле, ты, полюшко!
До чего же ты, речка,
В снега убралась!
И метнулась молодка,
И крикнула: «Колюшка!»
И осела на снег,
И, рыдая, зашлась.

Укрывали солдата
И плакали возле,
И подняли молодку:
«Пошли-ка домой».
Утешали дорогой,
Мол, рано ли, поздно ли,

И крестились тайком:
«Хорошо, что не мой».

На обеденной лавке
Под желтыми свечами
Он глаза приоткрыл,
Посмотрел на жену.

— Я еще поживу.
Хорошить меня нечего.
Я еще поживу.
Ну чего же ты?! Ну?

Он воды попросил,
Поперхнулся на выдохе,
Расплескал по подушке,
Мотнув головой.

...И гудят в Закарпатье
Метельные вымахи.
И патроны беречь.
И удар штыковой.

И австрийские каски.
И ругань отборная.
Обморожены ноги.
По сам еще жив.
А потом нацепляют
Солдату «георгия».
А потом и второго
За детский прорыв.

III

Отпотели окошки.
Сугробы набрякли.
Женихи гомонятся,
Гармоника слышна.

У солдата кресты
На рубахе забрякали,
Показался на улице.
Эка весна!

Кто-то первым
Телегу опробовал загодя,
От грачиного гама
Дрожат тополя.
Лед сошел.
И наметкой рыбачат на заводах,
А за речкой отходит,
Свежеет земля.

Можно брать на пригорках
Просохшие камушки,
Пропускать через пальцы,
По ветру пыли.
Можно щупать в низинах
Прохладные мякушки
И решить наконец —
Подоспела земля.

В первый раз из-под плуга
Отвалы надежные.
В первый раз на веку
Наедался мужик.
Но опять времена
Накатились тревожные
И схватили солдата
За острый кадык.

Новожилов затею
Мудреную выдумал.

Слухи шли, будто он
Подпускает леща.
И на сходках долдонит,
Мол, сыго, не сыто, мол,
А придется работать
Теперь сообща.

Он однажды под вечер
Нагрязнул к служивому.
— Партизанил? Давай, брат,
В коммуну иди. —
Кашлянул, повернулся
Солдат к Новожилову
И ладошкой провел
По рубцам на груди.

— Это дело, конечно,
Оно и пригожее.
И в газетах читал,
Да и сам не дурак.
А в коммуну твою,
Извиняй меня, все же я
Не пойду. Погляжу.
Неохота. Вот так.

— Ты чего?
— Ничего.
— Значит, лады вы, ладушки,
Поиграл в партизаны —
И к бабе под бок?
На густой варенец?
На блины да оладушки?
— Слышь-ка, брось! А не то:
Вот те бог, вот порог. —

Новожилов напялил
Треушник лицованный.
— Тыфу ты, — сплюнул, —
Ну что же? — вздохнул на ходу. —
Неудобный мужик ты,
Не к нам нумерованный.
— Был когда-то удобный,
Да вымерз на льду.

IV

Лопотали за межами
Тонкие вербочки,
До утра над деревнею
Дождь моросил.
Как-то ночью пригоны
Разрушил до жердочки
И общественный скот
Чуть не весь порешил.

И взорвалась деревня.
Искали виновного.
А виновный пропал,
Как нырнул в камыши.
Прикатили из города.
Бричка окована.
— Новожилов, а ну,
Все, как было, пиши!

Уставляли хозяйки
Столы самоварами,
Уцелевших буренок
Сведя по дворам.
Новожилов метался.

Грозил, уговаривал,
Раснадалась коммуна,
Трещала по швам.

И тогда-то,
Разгладив лампасы неяркие,
Поперечной жене
Погрозив кулаком:
— Зря ты мелешь,
Дарить не собрался подарки я, —
Вышел в стайку солдат
И вернулся с конем.

И провел по двору,
И поставил у привязи,
И скребницей почистил
Крутые бока.
— Эх, каурый, давай
На народ меня вывези,
Сдам в коммуны тебя
И в придачу быка.

— Вроде спятил солдат! —
Обсуждали за рамами,
Распахнув занавески,
Шептали: — Гляди! —
Сжав сигарку губами,
От горя упрямыми,
Ехал он с кумачовым
Шматком на груди.

Новожилов с похмелья,
А может, с бессоницы,
Но глаза, как караси,
Прожилки видны.

Он ворота открыл,
Пропускает, сторонится,
Семенит за служивым,
Поддержив штаны.

— Вот не ждал, не гадал,
А ведь я тебя в общем-то...
Ну да ладно. Прости. —
Новожилов умолк.
— Надо звать мужиков.
А для дела для общего.
Я в газетах читал.
И тебе я не волк.

И на эту же ночь,
В аккурат в новолуние,
В аккурат на изгибе
Песчаной мели,
Где истоптана тина
Тяжелыми чунями,
С перерезанным горлом
Солдата нашли.

Шелестела осока
И в траурной почести
Наклонялась над речкой,
Воды пригубя.
В первый раз называли
Солдата по отчеству
И впервые сурово
Глядели в себя.

А чекисты из города,
Оба с наганами,
Говорят, в крутоярах,

На самом краю,
 На заросшем обрыве,
 Босого и пьяного,
 Невзначай оглядели
 Купчишку Илью...

Бабка туго платок
 Повязала поношенный
 И зашила кофту
 Булавкой стальной.
 Говорят, дескать, бабка
 Катает горошины
 И гадает на гуще
 Полночной порой.
 Только зря говорят.
 Освещенная горелка,
 Половик до окна
 Да тюльпаны в горшках.
 Бабка гладит портрет,
 Где жених ее Коленька
 Был когда-то заснят
 Молодой, при крестах.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Конфеты	3
Крутояры	4
«Днем погожим...»	6
Горох	7
Пуговка	9
Посевная	10
Лыжня	11
У костра	12
Весна	13
«Бывало, в апреле...»	14
Колобок	16
«Урема, урема, урема...»	17
Сосед	19
Гоша, щиплятя, баран и жена	21
«Если радость -- значит, по рукам!..»	25
Сычи	26
Один портрет	28
Утро	29
Аде	31
«Костюм надену с искрами...»	33
В половодье	34
«В обновочках свежих...»	35
М. Е. Ф.	37
Попутчица	39
Морошка	40

«Мы по-мальчишьи судим о девчатах...»	42
Соседка	43
Шахматы	44
По дороге	45
«Все мне грезится белый околок...»	47
Аде	48
Голубочек	50
«Облетела вчера крушина...»	52
Вдовушки	53
Портрет	54
Русалка	55
Торг	57
Жертва	61
Партизан	63

П о э м ы

Кунава	65
Георгиевский кавалер	82

Мерзликин Леонид Семенович

КУПАВА. Стихи. М., «Молодая гвардия». 1963.
96 стр.

P2
M52

Редактор *Вл. Фирсов*
Художник *Э. Воронцова*
Худож. редактор *И. Печникова*
Техн. редактор *Л. Лясникова*

А02171. Подп. к печ. 5/VI 1963 г. Бум. 70×90¹/₃₂.
Печ. л. 3(3,51) + 1 вкл. Уч.-изд. л. 2,9.
Тираж 8 000 экз. Заказ 644. Цена 15 коп.

Типография «Красное знамя» изд. ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суздальская, 21.

15 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ